

ября 1979 года

Люди
искусства

ДИАПАЗОН ТЕМЫ

За заслуги в развитии таджикского советского театрального искусства, высокое исполнительское мастерство актеру театра им. А. Лахути Хашиму Гадову присвоено почетное звание народного артиста Таджикской ССР.

За двадцать лет своей творческой деятельности Хашим Гадов переиграл в театре и кинематографе массу самых разных ролей. Кем только ему, то есть его героям, не случалось быть! Бедняком и царем, ученым и пьянчужкой, разведчиком недр и религиозным фанатиком, баринном и сумасшедшим, начальником строительства и обольстителем женских сердец, Тартальей и Фердинандом, Хлестаковым и Гамлетом. На первый взгляд, подобная широта актерских интересов начисто исключает сквозную тему творчества Х. Гадова, проявляющуюся и через утверждение, и через отрицание тех или иных особенностей его героев. Да, безусловно, Х. Гадов — незаурядный, большого диапазона мастер. Почти каждая его работа оставляет впечатление законченности, исчерпанности мотивов, привлекательности к ней актера. Да, Х. Гадов обладает редким даром перевоплощения, и даром не просто «технологическим», а глубоко драматическим. Но вот тут-то и начинается нечто типично «гадовское». Стремление выявить предельную остроту и драматизм образа, дойти до самой его сути как во внешнем, так и во внутреннем проявлении, отчетливо корректируется профессиональными и человеческими качествами артиста. Х. Гадов долго и, я бы сказал, восторженно работает над каждой ролью. Он мобилизует, кажется, весь арсенал известных, применительно к данной роли исторических, философских и актерских средств, перерабатывая их согласно собственному видению образа.

На сцене и на экране заметны хорошие роли всякого хорошего актера. Героев Х. Гадова, постоянно поглощенных той или иной идеей или проблемой, просто нельзя не запомнить. Все его герои неординарны — со знаком плюс ли, минус ли. Для персонажей Х. Гадова невозможно некое среднее, обыденное положение. Они, с одной стороны и чаще всего, впереди большинства других, а с другой — позади них. Идеалисты и циники, баловни судьбы и неудачники, грозно-волевые и нерешительно-мягкие — герои Х. Гадова всякие, но только не никакие.

В одном восточном изречении говорится: все в мире имеет предел, только человеческая мудрость и человеческая глупость беспредельны. Эта беспредельность людских взлетов и заблуждений и есть ос-

новная, бурно, рьяно исполняемая тема творчества Х. Гадова. Диапазон подобной темы чрезвычайно широк, но освоение ее — по плечу актеру. Он делает это так же, как его герои отстаивают последовательность своих взглядов и поступков.

До избития жены, до убийства отца, до тотального человеконенавистничества «последовательный» отрицательный персонаж Х. Гадова: мулла Низомуддин и сын Улугбека Абдулатиф (узбекские фильмы «Родившийся в грозу» и «Звезда Улугбека»), гестаповец Курт Шумахер (спектакль «Мост» по пьесе Ф. Ницше) и другие.

Последовательность, выраженную в неожиданном движении характера, обнаруживает Х. Гадов в гоголевском Хлестакове. Его герой — обыкновенен, но ридится в обыкновенность жизнью... из-за карточного проигрыша. Внутреннюю ординарность прикрывают «неотразимо» петербургские манеры и внешность. Хлестаков Х. Гадова — пародия на столичного, знающего себе цену франта, но пародия, сияющая хоть на время преодолеть самое себя вследствие неожиданных исключительно-выигрышных обстоятельств. Одновременно несчастливый и ничтожный Хлестаков, в пику вообще ничтожным чиновникам, неотразимо и методически возвышается над ними. Эпизоды взяток, где Хлестаков блестяще «вживается» в наглость, категоричность и развязность, венчают образ этого антирыцаря, все взявшего в счастливо нагрянувших ситуациях. Х. Гадов начал Хлест-

такова как «маленького человека», в котором было хоть что-то человеческое. А привел к бездушию, цинизму, к умелой игре на людском страхе, тем самым добавив к Хлестакову отталкивающе-страшноватые черты.

В фильмах «Беглец» и «Осада» Х. Гадов сыграл простых дехкан, не просто воспринявших революцию, социальное переустройство. Путь Сафара («Беглец») вообще извилист — через лично-любовную драму, через байский обман. Невелика роль Нияза («Осада»). И все же в нескольких штрихах и пластически точно артисту удалось воплотить образ человека, решившего вспыхивать общее, свое поле даже под угрозой басмаческих пуль. В этих персонажах актер подчеркнул их почти героические, конечное усилие воли, их, следовательно, исключительность, которая потом, чем дальше, тем больше, перерастает в типическую судьбу простого таджика.

В тех отрицательных ролях, о которых говорилось выше, Х. Гадов воевал с ничтожным в человеке, показывая, как не надо жить. Пафос этих работ максимально ясен. Сложнее обстоит дело с положительными героями. Поиск важнейших истин непрост и для самого себя, не говоря уже о том, чтобы донести их до других, озабоченных, как правило, массой сиюминутных проблем. Актерский пафос Х. Гадова не может не учитывать этого. Поэтому ему так близки герои гамлетовского типа, герои глубоко совестливые и постоянно размышляющие, ранимые и скрывающие ранимость под каким-либо «чужацеством». Далеко не случайно один из критиков сказал о Несчастливце Х. Гадова («Лес» А. Н. Островского в русском (!) драматическом театре им. В. Маяковского — едва ли не уникальная роль в активе артиста), что тот похож на Гамлета, но Гамлета русского, с горечью и чистой душой. А вспомним Дивану (спектакль «В ночь лунного затмения» М. Карма). Его юродивость — лишь одна из сторон образа. Другая же — неизбежная тяга к доброте и свету, философские, ясновидящие просветы разума этого «безумца».

Первой большой работой в кино стал у Х. Гадова образ Камилы («12 часов жизни»), самодельного актера, мечтающего сыграть Гамлета. В последней пока что работе Х. Гадова эта мечта осуществилась — сегодня на сцене родного театра актер играет принца датского, величайший образ мировой драматургии.

«Век расшатался — и скверней всего. Что я рожден восстановить его!»

Эта фраза Гамлета — ключевая для Х. Гадова. Его герой сознательно — и иначе он просто не может — и как сын убитого короля, и как Человек берет на себя миссию не то чтобы мстителя, но последовательного врачевателя эльсинорских «ран». Сложнейшую гамму переживаний показывает актер в Гамлете. Но

при самых больших сомнениях, остановках, размышлениях этот принц датский прежде всего смел, решителен, энергичен. Он — не слепое орудие рока в восстановлении справедливости, он каждый свой шаг проверяет разумом, да еще в какой степени, и потому так тяжелы, драматичны эти шаги. Битва-игра — так можно назвать отношения Гамлета с противниками. Битва-игра, в которой необходимы риск и притворство, отвлекающие странности и элемент открытого вызова. Гамлет Х. Гадова и подлаживается под обстоятельства, и в то же время остается самим собой, находится выше их. А его монологи — это крик души, потому что человеку когда-то, если рядом нет врагов, надо выкрикаться, надо восстановить внутреннее равновесие...

За два без малого десятилетия Х. Гадову удалось сделать многое. Кроме актерского факультета ПИТИСа, он окончил высшие режиссерские курсы, где одним из его педагогов был легендарный Н. Охлопков. Наряду с перечисленными Х. Гадов участвовал в ряде других классических и современных кинофильмов и театральных постановок. Под режиссерским руководством Х. Гадова лахутинцы открыли для себя А. Пушкина («Мартин и Сальери», «Скупой рыцарь», «Каменный гость»), А. Чехова (инсценированные юмористические рассказы), латиноамериканскую драматургию («Эоп» бразильца Г. Фигейредо). 500 (!) раз прошла поставленная им комедия Х. Садыка «Выбор жениха». «Ревизора» (спектакль шел менее двух часов, и Хлестакова играла пять человек), «Ричарда III» и пьесы национальных авторов Х. Гадов ставил со студентами Таджикского института искусств. О режиссерских всегда острей и изобретательных вариациях Х. Гадова за новейшее время хотелось бы поговорить подробнее, но увя. В последние годы зрители почему-то не видят новых его работ как режиссера. И это при том, что наша театральная режиссура порой чересчур робка и спокойна, так что артистический пыл Х. Гадова и здесь пришлось бы очень кстати.

...Героев Х. Гадова нельзя не заметить. Они не стремятся быть такими, как все. Подчеркнутостью своих мыслей и поступков они как бы испытывают все на прочность — и самих себя, и окружающий мир. Это «испытательство» — не самоцель. Лучшие герои Х. Гадова, несчастливые или счастливые не до конца (полное счастье им никак не ощутить), тем не менее только и делают, что стремятся к нему, находясь в его поисках. Для себя, а прежде всего — для других. Тема Х. Гадова, иначе говоря, показ больших возможностей человека — героя искусства. И именно в предельности этого показа, в ярко-театральной самоотдаче артиста видится залог его новых творческих достижений.

К. КОСТИН,
Фото Г. ТРОПЫНИНА.